

Про батьку Махно

Советская историческая наука характеризовала махновщину как кулацкое контрреволюционное анархистское движение, за которым стояли 2-3 тысячи ограниченных людей: мародеров, убийц. Имя Махно хотели предать забвению. Как жаловать человека, чей ближайший сподвижник написал еще на заре новой власти: «Трудно найти страну, где бы мысль трудящихся была так абсолютно подавлена, как в коммунистическом обществе». (Петр Аршинов «История махновского движения». Берлин, 1923 г.).

Самые неординарные, требующие глубокого осмысления явления нашей истории были оболганы, искажены, забыты. К таким явлениям принадлежит и махновское движение. Целью его, по коммунистической идеологии, была борьба против пролетарского государства. У новых украинских историков появилась возможность изучить исторические факты объективно, без какого-либо идеологического диктата. А изучать есть что. «Нестора Махно не могли понять ни Ленин, ни Троцкий, ни Деникин», — прочитал я в одной из книг, посвященных феномену «гуляйпольского батьки».

О бунтарской стране Махновии писать запрещалось, изучать же — тем более. Гуляйпольский краевед Федор Куш в 60-е годы прошлого века опросил втайне некоторых жителей, записав их воспоминания о «батьке» и «вольной жизни». Краевед умер, а оставшиеся после него две тетрадки пригодились, когда идеологические табу были сняты.

А вот несколько ныне здравствующих гуляйпольцев по-

страдали от излишнего любопытства вполне серьезно. Рассказывает пенсионер Владимир Жилинский:

— Еще работая в 50-е годы инструктором райкома партии, заинтересовался гражданской войной, махновщиной. Часто бывая в командировках, использовал любую возможность порыться в архивах. Официальные письма из райкома с просьбой об оказании помощи позволяли добираться даже до закрытых фондов. Наиболее интересные документы переписывал от руки, делал с них отпечатки. О моем увлечении знали друзья, хотя, конечно, особо его не афишировал. Однажды раздобыл книгу Клим Полищука «Гуляйпільський батько», изданную в 1925 году в Коломые, которая была тогда за границей. Снял с книги фотокопию в виде микрофильма, поделился отпечатками с друзьями. А через семь лет, в 84-м, о микрофильме пронюхало КГБ. Вызвали в комитет, устроили трехчасовой допрос: где взял книгу, кто помогал? Майор, проводивший допрос, сказал, что по селу изъято 25 книг с моих негативов. Под диктовку заставили написать объяснительную, взяв слово, что буду сотрудничать с КГБ. Работал я тогда на заводе контролером ОТК. За хранение запрещенной литературы меня понизили в должности и исключили из партии.

Трое других «махновцев», замешанных в истории с книгой, пострадали сильнее, так как работали в «идеологии» — районной газете «Зоря комунізму». Беспартийного журналиста Нежижима выгнали из редакции. Ответсека Дашевского, сделавшего себе экземпляр, и фотокора Тура, отснявшего книгу, исключили из КПСС и сняли с работы. В протоколе тогдашнего редакционного партсобрании сказано, что эти сотрудники «допускали вольности в поступках и высказываниях, относящихся к советской действительности, местным партийным и советским органам, отдельным руководителям. Концентрировали при этом внимание на недостатках и упущениях, допускали преувеличения. Кроме этого в среде сотрудников распространяли информацию зарубежных радиостанций «Голос Америки» и «Би-Би-Си».

Нестор Махно происходил из бедной семьи бывшего крепостного, был младшим, пятым по счету, ребенком. Все четверо его братьев погибли в гражданскую. Отец, служивший кучером у гуляйпольского помещика, умер рано, детям при-

Комбриг Нестор Махно и командир Заднепровской дивизии Павел Дыбенко. 1919 год. Мариуполь.

Нестор Иванович Махно и дочь Елена

Галина Кузьменко, жена Нестора Махно (фото ок. 1917 г.)

шло с малых лет заниматься физическим трудом. Сначала Нестор был «в наймах» у местного богатея, потом устроился литейщиком на завод. Здесь стал членом группы «Союз бедных хлеборобов», в который входили такие же молодые рабочие. Они читали любую революционную литературу и называли себя анархистами-коммунистами. Занимались распространением литературы, агитацией, индивидуальным террором.

— Разные источники дают разные даты рождения Махно, — говорит научный сотрудник Гуляйпольского краеведческого музея Сергей Серегин. — Анархист Петр Аршинов в своей книге указывает, что он родился 27 октября 1889 года. На погребальной плите парижского кладбища срок жизни Махно ограничен цифрами 1889-1934. Но есть и запись № 217 в метрической регистрационной книге Кресто-Воздвиженской церкви г. Гуляйполе, где зафиксировано, что Михно (так в книге) Нестор Иванович родился 26 октября 1888 года.

В 1908 году Махно арестовали, царский суд приговорил его к повешению — за участие в анархических сообществах и терактах. Позже смертную казнь заменили бессрочной каторгой и поместили в Московскую центральную тюрьму (Бутырки). В тюрьме молодой человек занимается самообразованием, проявляя в этом отношении крайнюю настойчивость. Каторга, собственно, была единственной школой, где Махно почерпнул знания по русскому языку и литературе, математике, истории культуры и политэкономии. Здесь он познакомился с анархистом Петром Аршиновым, ставшим его учителем и сподвижником. После почти девяти лет тюрьмы Махно выходит на волю, освобожденный февральской революцией 1917-го.

Одно из крупнейших сел Александровского уезда Гуляй-Поле в политическом смысле было в то время полной провинцией. Вернувшись на родину, Нестор, вооруженный фанатичной преданностью своей идее, начинает объединять вокруг себя близких по духу людей. «Чтобы завладеть землею и без власти над собою заняться выживанием из своего тела паразитов, ничего не производящих, живущих в довольстве и роскоши». (Н.Махно «Русская революция на Украине». Париж, 1929 г.). Избранный в селе «Крестьянский союз», ставший позднее Советом народных депутатов, сформировался по принципам, близким Махно: неважна партийная принадлежность

(кадет, эсер, анархист), важно, как человек конкретно работает. Земельный вопрос решили по-своему: забрав все у богатых, разделили среди бедных по нормам, которые установил Совет. Шел 1917-й год.

Приход к власти большевиков встретили нормально, судя по лозунгам о мире и земле, декларируемым большевиками, с ними можно было сотрудничать. Но постепенно наметились трения, Махно пишет в воспоминаниях, что большевики стремились командовать, не были склонны к демократическим принципам управления.

После заключения Брест-Литовского мира началось наступление германо-австро-венгерских частей, захвативших в апреле 1918 года и Гуляй-Поле. Разгромленные анархистские силы временно затихают. Окружным путем Махно добирается в Москву, где встречается с Кропоткиным, Лениным, Свердловым, местными анархистами. Его поражает их незнание ситуации на Юге России, глубокое разложение анархического движения. Вернувшись нелегально в Украину, Нестор начинает формировать из верных ему людей вооруженный отряд, который разрастается в Повстанческую украинскую армию.

Действуя партизанскими методами, отряд нападал на немцев, австрийцев, гетманскую варту, помещиков, поддерживавших оккупационный режим. Гениальное изобретение махновцев — тачанки — позволяли быстро перемещаться по степи, оставаясь неуловимыми. Постепенно к Махно присоединяются другие повстанческие отряды, возникавшие по всей Северной Таврии и Екатеринославской губернии. Гуляй-Поле становится центром освободительного движения. Советское правительство предлагает Махно выступить совместно против Петлюры. Прав ли был Нестор, воюя с Симоном, представлявшим Директорию, то есть национальные, антимосковские силы? Есть сведения, что, будучи за границей, он об этом жалел.

К концу 1918-го повстанцы контролировали 72 волости. Махно никого не поддерживал однозначно, воюя против всех за свое понимание независимости крестьян. «Украинское революционное повстанчество имеет пред собою в настоящее время одну задачу: окончательно деморализовать и разбить немецко-австрийские армии на Украине и раздавать гетманщину. Дело великое, уже повстанчеством начатое. Менять его на задачи

Директории не придется». (Н.Махно, «Украинская революция». Париж, 1937).

Изгнанием газетчиков с работы идеологическая чистка в Гуляй-Поле не закончилась. В КГБ вспомнили, что на краю городка живет внучатый племянник Нестора Махно, и пришли к нему с обыском. Осенью 1998-го пенсионер Виктор Яланский говорил автору этих строк:

— Моя мама Акулина Карповна была дочерью старшего из братьев Махно. И мама, и бабушка, прожившая 108 лет, много рассказывали мне о гражданской войне. Правда, предупреждали, чтобы я об этом помалкивал. Перед смертью в 1974 году мать сообщила, что собранные ею бумаги и документы, связанные с дедом и Нестором, закопаны в огороде еще с войны. Я их вырыл, прочитал и снова закопал. Кому их можно было тогда показать? А в 1973 году в Гуляй-Поле из Джамбула пришел запрос от Галины Кузьменко с просьбой подтвердить, что после революции она работала здесь некоторое время учительницей. Кузьменко была последней женой «бабки». Так стало известно, что она жива и живет с дочерью в Казахстане. Мы списались, познакомились, дважды я приезжал в Джамбул, один раз Галина Андреевна гостила полтора месяца у меня. Все, что они с дочерью рассказывали, я тщательно записывал, понимая, насколько важны их свидетельства. Однажды Галина сказала, что я обязан довести дело до конца, написать о ней и Несторе правдивую книгу. Все свои записи я тщательно прятал, хотя никто из «органов» ни мною, ни Галиной Андреевной не интересовался. И вдруг этот обыск в апреле 1985-го.

Виктор Иванович вспоминает, что изъяли у него все крамольные, с точки зрения КГБ, бумаги. Потом был долгий допрос, во время которого Яланского спрашивали, зачем назвал своего сына Нестором, зачем рассказывает соседям о Махно и хранит дома «эти бумаги»? Впрочем, отпустили «махновца» с миром. Больше беспартийного рабочего Яланского «органы» не тревожили.

С началом гласности пишущие и снимающие журналисты ринулись в Гуляй-Поле со всех сторон. Приезжали кинодокументалисты из Ленинграда, Франции (часовую кассету с фильмом о Махно подарили Яланскому), особен-

но «обсосали» тему местные, запорожские, писатели и газетчики.*

С 1919 года начинается продвижение Красной Армии по территории Украины. Тактика советской власти направлялась на поиск контактов с повстанцами, на совместные действия против контрреволюции. Интересы махновцев и красных совпадают, создается Первая Заднепровская дивизия под командованием Павла Дыбенко, махновские войска составляют третью бригаду этой дивизии. Под ружье Махно поставил 30 тысяч бойцов.

Начало военной карьеры Нестора Ивановича блестящее, за взятие Бердянска и Мариуполя советская власть награждает его орденом Красного Знамени. Но вместе с первыми успехами возникают и первые разногласия. Позиции большевиков начинают сильно отличаться от позиций Махно, ратующего за «безвластное государство» и «свободный Гуляйпольский район». Махно терпят, пока он нужен, пока его армия держит фронт. Видя ненадежность повстанцев, их командира объявляют в конце концов вне закона. Преследуя свои интересы, Махно воюет то с белыми, то с красными, то с петлюровцами. Его армия разрастается до 50 тысяч штыков.

Катится по России вал гражданской войны. Советское правительство идет на компромисс с махновцами, приказывая передислоцироваться на польский фронт. Но выполнить приказ Нестор не может: в войсках свирепствует тиф, да и армия его добровольная, воюющая только на своей территории. Начинается новое преследование повстанцев. В части Красной Армии идут директивы: при столкновении с махновцами их разоружать, непокорных и командиров расстреливать. Махно принимает вызов, и с весны 1920 начинается его рейд по тылам Красной Армии.

«Никогда, ни при каких условиях он (большевизм — Ю.Г.), по самой природе своей, не согласился бы на свободное, открытое существование такого низового народного движения,

* Виктор Иванович, никого уже не таясь, написал-таки свою книгу. В 2001 году под названием «Нестор и Галина» она вышла в Киеве. Умер Яланский в 2003-м, а годом раньше в возрасте 85 лет ушла из жизни племянница Нестора Махно (дочь брата Емельяна), последняя из ближайших родственников.

как махновщина. Действия большевиков в отношении махновцев носили в себе признаки террора, свойственного властвующим кастам». (П. Аршинов «История махновского движения». Берлин, 1923).

Маленьким истеричным озлобленным человеком с длинными волосами показывали Нестора Махно книги и кино о гражданской войне. Каким же на самом деле был человек, сплотивший вокруг себя десятки тысяч людей?

— Действительно, Махно был невысокого роста, часто носил длинные волосы, иногда отпускал усы, — рассказывает Сергей Серегин. — Разговоры же о его жестокости, патологическом садизме — выдумка. Будешь жестоко относиться к людям, они к тебе не пойдут, не дадут продовольствия, разведанные. Сила махновской армии базировалась на массовой поддержке, хотя проявления жестокости были, революция без крови не делается. Но неоправданное насилие, мародерство всегда карались.

Оратором Нестор Иванович был неважным. Но крестьяне его слушали с интересом, он выражался их языком, очень эмоционально. Говорил четкими фразами, в конце добавлял «и только»: «Разбить белогвардейцев — и только!». Люди, знавшие «батьку», отмечают силу его взгляда, он буквально сверлил глазами. Будучи, по сути, необразованным (жалел, например, что не знает украинского языка), Махно имел военный талант, выходил из многих трудных ситуаций. Был храбр, за время военных действий получил одиннадцать ранений. Хорошо владел огнестрельным и холодным оружием, что, конечно, производило впечатление на бойцов.

Грещил, говорят, Нестор Иванович стихосложением. В экспозиции музея есть воззвание повстанцев к народу, заканчивающееся стихами Махно. Вот они, с соблюдением пунктуации оригинала:

За дело! Слышите, за дело!
Довольно ползать у властей
Долой опеку, жизнь созрела
Гнет нужно снять, он враг людей
Толпе голодной и усталой
Довольно врать — пора ей дать
Свободу жизни — одичалой
Народ стал цепи вновь ковать

К тому ж и ты, мой брат Украины,
Идешь, не думая о том,
Что весны ранней первый гром
Уж прогремел: уж жизни тайны
Зовут меня, тебя, всех нас
Чего же ждать? — Неволы новой
Долой весь бред — и в добрый час.

Таким Махно был поэтом. Его прозаические способности воплощены в мемуары, которые содержат массу подробностей, но написаны сухо и скучно.

— Антисемитизм махновцев, чинимые ими еврейские погромы — тоже неправда. Все имеющиеся факты говорят об обратном, — продолжает Сергей Серегин. — Среди командиров было много евреев, существовала особая еврейская батарея. За проявления антисемитизма Махно расстреливал. Известен случай, когда расстреляли коменданта ж/д станции, вывесившего лозунг: «Бей жидов, спасай революцию, да здравствует батько Махно!».

Сила Махно в том, что он выступал за интересы крестьянства: наделение земель, правом свободной торговли, в политическом смысле — за свободомыслие. По мнению большевиков, у крестьян было два пути: революционный (с большевиками) и контрреволюционный (с белыми). Крестьянство же искало третий путь: ни с теми, ни с теми. Поиски этого пути и вылились на Украине в махновское движение. Его нельзя считать анархистским, анархизм — мировосприятие достаточно образованных людей. Массам были нужны понятные лозунги, черное знамя анархии наиболее подходило для них.

Весь 1920-й год советская власть воюет с махновщиной, называя это борьбой с бандитизмом. Из Крыма движется Врангель, и красные, в третий раз за войну, вынуждены прибегнуть к помощи Повстанческой армии. Махно идет на союз, считая, что в первую очередь должен бороться с контрреволюцией. Но взамен просит выпустить из тюрем всех анархистов и дать свободу анархистским экспериментам в определенном районе в центре с Гуляй-Подем. Успешные действия махновцев сыграли не последнюю роль в разгроме Врангеля, советское же командование так и не приняло их условий. Зато издало приказ о ликвидации Повстанческой армии.

Начинается кровопролитная борьба махновцев с Красной Армией. Но сломали большевики махновцев не боевыми действиями, а разумной экономической политикой, пообещав крестьянству товарно-рыночные отношения в виде НЭПа и амнистию всем повстанцам.

Постепенно махновщина затухает, остатки некогда грозной силы принимают решение уйти за границу. 28 августа 1921 года небольшой отряд во главе с Нестором Махно переходит советско-румынскую границу. Начинается жизнь «батяки» в эмиграции.

Из Румынии Махно с женой перебирается в Польшу, некоторое время живет в Германии, переезжает во Францию. Работает сапожником, типографским рабочим. И пишет воспоминания. Первая книга выходит в Париже в 1929 году. Вторая и третья, уже после смерти Махно, в 1936 и 1937 годах.

Умер Нестор Иванович Махно от туберкулеза легких 6 июня 1934 года в возрасте 46 лет. Один из товарищей снял с его лица гипсовую маску. Тело бывшего грозного крестьянского атамана было кремировано, урна с прахом замурована в стену коммунаров на парижском кладбище Пер-Лашез.

«Вся борьба махновцев с большевиками велась только во имя защиты прав и интересов труда» (П. Аршинов «История махновского движения». Берлин, 1923).

Первой женой Махно была местная учительница Настя Васецкая. Нестор женился на ней, как только вышел из тюрьмы и вернулся домой. Настя была обыкновенной крестьянской девушкой, чуждой революционной борьбе. Говорят, у них родился сын, но он умер еще в младенчестве. В советское время Настя жила в Пологах (Запорожская область).

Вторую жену звали Тиной, она была телефонисткой в Дибровке (Днепропетровская область). Фамилия ее неизвестна, так же, как и дальнейшая судьба.

Третьей, последней женой Махно, стала Галина Кузьменко. Уроженка села Песчаный Брод (Кировоградская область), окончившая с золотой медалью учительскую семинарию, работала в Гуляйпольской гимназии преподавателем украинского языка. С Махно познакомилась в 1918 году, в том же году поженились. Ей было 23, ему 30.

Галина была романтической и вместе с тем волевой, склон-

ной к авантюризму натурой. «Судьба свела меня с человеком, которого в своем представлении я видела освободителем от царского гнета», — напишет она через много лет. Разделив Нестором тяготы походной жизни, вкусив сладость «батьковских» побед и горечь поражений, Галина ушла с ним эмиграцию.

Жизнь в эмиграции была тяжелой, дала течь и семейная лодка. В 1927 году Нестор и Галина официально расходятся, живя раздельно, продолжают поддерживать хорошие отношения. После смерти Махно Галина выходит замуж за анархиста Волина, сподвижника Нестора, редактора двух его посмертно вышедших книжек воспоминаний.

В 1922 году, во время пребывания в Польше, Галина родила дочь Елену. Предвидя возможность политических преследований, родители записали ее на фамилию Михненко.

Информация о предвоенной жизни матери и дочери противоречива, известно, что к концу второй мировой войны оказались в Германии, где были арестованы НКВД. В 1946-1947 Галину Кузьменко осуждают за антисоветскую деятельность на восемь лет лагерей, Елену Михненко — к 5-летней ссылке в Казахстан. После освобождения Галина Андреевна переехала к дочери в Джамбул, работала в швейной мастерской. Умерла на 83-м году жизни в 1978 году.

Елена Несторовна сумела окончить техникум и строительного-гидромелиоративный институт, вышла замуж за бывшего военного летчика. Умерла в Джамбуле в 1993 году. Клеймо «враг народа» снято с жены и дочери Махно в 1989 году.